

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-221-231>

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2Рос = Рус)6

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. М.А. Ариас-Вихиль
г. Москва, Россия

**ВСТРЕЧНЫЙ ВЗГЛЯД:
ПЕРЕПИСКА Р. РОЛЛАНА И И.С. ШМЕЛЕВА.
К 150-ЛЕТИЮ И.С. ШМЕЛЕВА**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 23-18-00393, URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>) в ИМЛИ РАН

Аннотация: Статья посвящена литературным контактам в 1920-е гг. И.С. Шмелева (1873–1950) с французским писателем, лауреатом Нобелевской премии 1915 г. Роменом Ролланом (1866–1944). В статье анализируется неопубликованная переписка писателей, включающая 3 письма Шмелева и 2 ответных письма Роллана. Содержание переписки связано с желанием Шмелева найти в Роллане, олицетворявшем для писателей русской эмиграции «совесть мира», единомышленника в понимании трагедии, постигшей Россию в результате Октябрьской революции, приведшей к массовой гибели людей, разрухе и голоду. Шмелев отправил Роллану немецкие издания своих книг «Солнце мертвых» и «Неупиваемая чаша». В ответах Роллана звучит высокая оценка творчества Шмелева и сочувствие утратившему родину писателю-эмигранту. Однако полного понимания достичь не удается: представитель левой интеллигенции, Роллан с неменьшим сочувствием отнесся к происходящему в СССР опыту по «социальной и нравственной перестройке человечества». От критики итогов Октябрьской революции в 1921–22 гг. к концу 1920-х гг. Роллан переходит к прославлению социального эксперимента по строительству «нового общества» в СССР, публикуя в советской прессе поздравление советскому народу с 10-летием Октября. Этот шаг писателя был враждебно встречен Шмелевым и положил конец их переписке. Произошло окончательное размежевание Роллана с писателями русской эмиграции, с которыми он поддерживал литературные контакты. В их числе не только Шмелев, но и Бунин и Бальмонт, опубликовавшие открытые письма писателю, который занял пробольшевистскую позицию, несмотря на высказанное им ранее сочувствие русским писателям-эмигрантам.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, Р. Роллан, «Человек из ресторана», «Солнце мертвых», «Неупиваемая чаша», И.А. Бунин, К.Д. Бальмонт, А.В. Луначарский, А.М. Горький, Октябрьская революция, писатели русской эмиграции.

Информация об авторе: Марина Альбиновна Ариас-Вихиль — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4182-8213>

E-mail: marina.arias@mail.ru

Дата поступления статьи: 24.10.2023

Дата одобрения рецензентами: 30.11.2023

Дата публикации: 25.06.2024

Для цитирования: Ариас-Вихиль М.А. Встречный взгляд: переписка Р. Роллана и И.С. Шмелева. К 150-летию И.С. Шмелева // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72. С. 221–231. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-221-231>

В статье используются три неопубликованные письма И.С. Шмелева Р. Роллану, написанные на французском языке и хранящиеся в Фонде Р. Роллана в Национальной библиотеке Франции (BNF. Fonds Romain Rolland. NAF 28400), а также два неопубликованных письма Р. Роллана И.С. Шмелеву из Фонда И.С. Шмелева Дома русского зарубежья, переданные в 2000 г. в Россию наследником писателя И. Жантийоном (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3 Ед. хр. 576–577). Все письма цитируются в переводе автора статьи, за исключением письма Роллана от 22 февраля 1925 г., переведенного О.А. Шмелевой, супругой писателя.

Политическая позиция Ромена Роллана в годы Первой мировой войны привела его к необходимости эмиграции, в результате травли в собственной стране. В 1915 г. Роллан получил Нобелевскую премию по литературе за роман «Жан-Кристоф», но было очевидно, что Нобелевский комитет принял во внимание антимилитаристскую позицию писателя, заявлявшего о своем пацифизме и переехавшего жить в нейтральную Швейцарию. Именно в этом контексте воспринималась личность Роллана как писателя, воплощающего «совесть Европы». Русские писатели, оказавшиеся в эмиграции в результате Октябрьской революции 1917 г., видели в Роллане единомышленника, способного как никто другой понять трагедию русской интеллигенции, занявшей антибольшевистскую позицию и заплатившей за это потерей родины. И.С. Шмелев, переживший в Советской России личную трагедию — потерю сына, открыто заявлял о своей антибольшевистской позиции. Характеризуя сына, Шмелев писал своему другу, философу И.А. Ильину:

С 1 курса, ожидая набора, поступил в артиллерийскую бригаду, с которой и был на войне 16–17 г. — честно мужественно (отравлен газами (первыми!) на Стоходе), и — с мокрым платком у рта — командовал огнем. Ранен не был, но 2 раза серьезно был прострелен. Мы, конечно, мучились... о, вспомнишь... — и после, в добровольческой Армии — всего повидал мой мальчик! Бился на бронепоезде под Асхабадом, чудом спасся из красного «кольца», отступая (путь подорвали большевики), сами белые сожгли бронепоезд и отступали в кольцо красных диких туркмен! Собирался командир застрелиться, но Сережа удержал его... — и спаслись! [9, с. 107–108].

Сын Шмелева был арестован и расстрелян в январе 1921 г. во время «красного террора» в Крыму, унесшего жизни 120 тысяч человек. Долгое время Шмелев не знал о судьбе сына и, считая его живым, обращался к А.М. Горькому и А.В. Луначарскому с отчаянной просьбой спасти Сергея, когда тот был уже расстрелян. Узнав после многих мытарств о смерти сына, Шмелев отказался от предложения наркома А.В. Луначарского сотрудничать с советской властью. 22 ноября 1922 г. Шмелев с женой уехали из России в Берлин для лечения под поручительство издателя альманаха «Недра», литературного критика, видного партийца Н.С. Клестова-Ангарского. Приняв реше-

ние не возвращаться в Россию, Шмелевы в январе 1923 г. переехали во Францию. В письме к Клестову-Ангарскому Шмелев объяснил свое решение не возвращаться в Россию: «Теперь, когда я знаю, что у меня отняли и убили сына, я не могу принять даже доброго слова от той власти, именем которой столько ужасного совершено» [8]. О событиях 1917 г. он писал в обличительных статьях в эмигрантской прессе: «Факт изнасилования и убийства великой страны народа — налицо, факт десятков миллионов слепо и зверски отнятых человеческих жизней, — лучших молодых жизней, — и миллиардных богатств имущества и культуры, собранных тысячелетним трудом России, не может быть возмещен ничем. Он, этот памятник растления и убийства России, станет отныне памятником, поставленным героям от социализма, памятником из человеческих трупов, позора и нищеты» («Убийство», 1924) [13, с. 464].

Оказавшись во Франции, Шмелев, как и другие русские писатели — Бунин и Бальмонт — вступил в переписку с Ролланом и прислал ему свои книги [2, с. 219]. Его творчество получило высокую оценку французского собрата по перу. Сохранившиеся в Фонде Роллана Национальной библиотеки Франции три письма Шмелева Роллану отражают начальный этап отношений писателей русской эмиграции и Роллана. Первое письмо датируется 16 февраля 1925 г. В этом письме Шмелев благодарит Роллана за лестный отзыв о его книге «Человек из ресторана»¹:

Господин Анри Монго² передал мне Ваше такое дорогое для меня суждение о моей книге «Человек из ресторана» и выражение Вашей симпатии ко мне. Искренне благодарю Вас».

Шмелев деликатно замечает, что связывает добрые чувства Роллана с его отношением к богатству русского духа и души. Шмелев пишет о том, что оценка Роллана для него бесценна («Еще раз благодарю Вас. Я знаю Вас как великого писателя, уважаю Вас, и Ваша оценка для меня бесценна»), но эти слова, которые могут показаться обычной вежливостью, проецируются на следующий абзац, в котором Шмелев упоминает о старинной французской поговорке, которой Роллан охарактеризовал его положение: «Кто страдает, тот побеждает»³.

В этом старинном девизе Шмелев почувствовал истинное сострадание Роллана, его желание не просто утешить, но вселить уверенность, что череда поражений ведет к финальной победе. С этим девизом Шмелев связывает свою книгу, которую он посылает Роллану — «Солнце мертвых»:

Я с большой радостью прочитал девиз, который Вы применяете ко мне, и во имя этого я позволяю себе послать Вам первые главы моей работы «Солнце мертвых», которая увидела свет в зарубежных странах. Эта работа закончена, и я буду счастлив Вам ее представить в скором времени, хотя и на немецком языке. Я надеюсь, что эта работа еще более оправдает девиз — такой дорогой мне и такой глубокий (BNF. Fonds Romain Rolland. NAF 28400).

Написанная в первый год переселения во Францию — начатая в Париже и законченная в Грассе (у Буниных) — эпопея «Солнце мертвых» вышла в Париже отдель-

¹ «Человек из ресторана» (1911) в это время был переведен на испанский (1920), французский (1925), голландский, шведский (1926), немецкий (1927).

² Анри Монго (1888-1941) — французский писатель, переводчик и издатель русской литературы, произведений Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Куприна, Зинаиды Гиппиус и Шмелева.

³ Прим. Р. Роллана: *qui seuffre, il vaint* (*Le livre des proverbes français de Le Roux de Lincy, Ferdinand Denis proverbes communs, XV s.*).

ной книгой в 1926 г. [2, с. 217]. В этой книге Шмелев описывает свое существование в постреволюционном Крыму как трагедию разорения и разрушения жизни:

Не надо глядеть на дали: дали обманчивы, как и сны. Они манят и — не дают. В них голубого много, зеленого, золотого. Не надо сказок. Вот она, правда, — под ногами. Я знаю, что в виноградниках, под Кастелью, не будет винограда, что в белых домиках — пусто, а по лесистым взгорьям разметаны человеческие жизни... Знаю, что земля напиталась кровью, и вино выйдет терпким и не даст радостного забытья. Каменистый клочок земли, недавно собиравшийся жить, теперь — убитый. <...> Мертвое море здесь: не любят его веселые пароходы. Не возьмешь ни пшеницы, ни табаку, ни вина, ни шерсти... Съедено, выпито, выбито — все. Иссякло. А солнце пишет свои полотна! У меня нет теперь храма. Бога у меня нет: синее небо пусто. <...> Грецкий орех, красавец... Он входит в силу. Впервые зачавший, он подарил нам в прошлом году три орешка — поровну всем... Спасибо за ласку, милый. Нас теперь только двое... а ты сегодня щедрее, принес семнадцать. Я сяду под твоей тенью, стану думать... Жив ли ты, молодой красавец? Так же ли ты стоишь в пустом винограднике, радуешь по весне зеленью сочных листьев, прозрачной тенью? Нет и тебя на свете? Убили, как все живое... <...> В их криках я слышу ревы звериной жизни, древней пещерной жизни, которую знавали эти горы, которая опять вернулась. Они боятся. День ото дня страшнее — и теперь горсть пшеницы дороже человека [16].

В своей эпопее Шмелев выходит на широкие обобщения, касающиеся судьбы России, дает характеристику революционных событий в России, запечатлевая картину разгрома. Эту тему разгрома и страданий развивает Шмелев и в своем письме Роллану, характеризуя свою эпопею:

Это картина разгрома, который сбил с пути и выбросил на всеобщую бойню чудесное лицо и великолепное тело и уже великое имя России, — но надеюсь — не ее душу, не ее дух. И это неисчерпаемое страдание заставляет меня писать о нем, чтобы передать его той части жизни, которая еще осталась неразрушенной (BNF. Fonds Romain Rolland. NAF 28400).

Метафорический строй этой характеристики Русской революции 1917 г. восходит к публицистике Шмелева этих лет:

Тогда шли на шакалий вой, — простая и легкая дорога, — там падаль. Россию выволакивали на свалку! Наконец-то! <...> Наконец-то Россию валят! Валят, волокут в майдан! Туда и дорога ей! В зверином вое не слышали и забыли Россию великих дел, Россию — стража и возбудителя мировой культуры, Россию — народный ум, из лесных дебрей, снегов, песков и степей собравший великое государство, под защитой которого процвели, сохранились и окрепли народы, теперь частью сметенные, частью разрываемые на части. Россию валят! («Убийство», 1924) [13, с. 466].

Роллан не остается глух к трагедии писателя. В ответном письме от 22 февраля 1925 г. он пишет Шмелеву:

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо и за тот волнующий рассказ, который Вы мне послали. <...> Я чувствую Ваши страдания. Вы — распятый!.. Я тоже был бы им, если бы мне пришлось увидеть то, что видели Вы. <...> История рода человеческого — тяжелая история, когда ее разоблачишь от всякой лжи (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3 Ед. хр. 576).

Однако при этом Роллан размывает проблему ответственности властей за совершенные преступления, переводя ее в абстрактное рассуждение об ответственности человека за историю:

Я никогда не прошу себе ряда преступлений прошлого — настоящего — каждого дня — ибо, поскольку я сам человек, я являюсь ответственным за них. А эти преступления неискупимы (письмо цитируется в переводе О.А. Шмелевой) (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3 Ед. хр. 576).

Отвлеченная позиция Роллана охлаждает пыл Шмелева, следующее письмо которого отличается краткостью. Оно отправлено Шмелевым 18 февраля 1926 г. и сопровождает обещанное в предыдущем письме немецкое издание книги «Солнце мертвых» [18]:

Я счастлив послать Вам “Die Sonne der Taten”, хотя и на немецком языке. Соболаговолите принять ее в знак моего глубокого восхищения и веры в Вашу тонкую и благородную душу. Мне хотелось бы столько Вам сказать, но я совершенно измучен необходимостью писать по-французски (BNF. Fonds Romain Rolland. NAF 28400).

Это признание приоткрывает завесу над теми чувствами, которые испытывал Шмелев, живя во Франции: страна не стала его второй родиной, писатель трагически воспринимал утрату возможности изъясняться на родном языке. Краткость письма искупается концовкой, где слово Писатель по отношению к Роллану написано с большой буквы: «Извините меня и примите, дорогой Писатель, мои невыразимые чувства» (BNF. Fonds Romain Rolland. NAF 28400). Исследователи отмечают:

Если «Человек из ресторана» принес писателю всероссийскую известность, то «Солнце мертвых» сделало Шмелева известным не только в Европе, но и в Северной и Южной Америке (книга переведена на 12 языков). Переводы повестей и рассказов Шмелева (после «Солнца мертвых» перевели «Человека из ресторана» на девять, а «Неупиваемую чашу» на восемь языков) знакомили Европу с творчеством русского писателя эмигранта. Ученый славист Ван Вейк включил Шмелева в свой курс русской литературы в Лейденском и Амстердамском университетах. Он же выдвинул Шмелева в кандидаты на Нобелевскую премию [2, с. 218].

Интересно, что уже в 1937 г. в Германии была написана первая диссертация о творчестве Шмелева [17].

Последнее, третье, письмо написано Шмелевым не из Парижа, как два предыдущие, а из Капбретона в Ландах, три месяца спустя — 14 мая 1926 г. Оно связано с присылкой Роллану немецкого издания повести «Неупиваемая чаша»:

Соболаговолите принять с доброжелательностью мою “Die niegeleerte Kelch”⁴ — свидетельство моего глубокого уважения и восхищения и как документ более спокойной и ясной работы — в то время (BNF. Fonds Romain Rolland. NAF 28400).

Повесть впервые была опубликована в сборнике «Отчизна» в Симферополе в 1920 г., а написана в 1918 г. в Алуште, куда писатель уехал в надежде обрести возможность работать. Писалась повесть, когда гражданская война уже пришла в Крым. Об истории создания повести «Неупиваемая чаша» Шмелев рассказал в письме своей рижской знакомой и почитательнице Раисе Гавриловне Земмеринг. Переписка с семьей русских эмигрантов, осевших в Риге после Октябрьской революции, началась в 1933 г. и продолжалась до конца жизни писателя [3, с. 144]. Письма к Р.Г. Земмеринг и ее дочери

⁴«Неупиваемая чаша» была переведена на французский (1924), немецкий (1925), испанский (1927), голландский (1927) [19].

Л.Г. Келер (более тысячи) составляют важнейшую страницу жизни Шмелева и уникальный источник сведений о писателе, высказывавшим в них суждения по огромному кругу вопросов, касающихся его творчества. В частности, Шмелев пишет:

А вот несколько слов о времени создания «Чаша»: писалась «Чаша» — написалась — случайно. Без огня — фитили из тряпок на постном масле, — в комнате было холодно + 5–6 градусов. Руки немели. Ни одной книги под рукой, только Евангелие. Как-то неожиданно написалось. Тяжелое было время. Должно быть, надо было как-то покрыть эту тяжесть. Бог помог. После сего я четыре года почти прожил в России, в Крыму (письмо Р.Г. Земмеринг от 19 декабря 1933 г.) [10, с. 147].

Роллан ответил Шмелеву 22 мая 1926 г.:

Я прочитал «Der niegeleerte Kech», которую Вы были так добры мне прислать, и я под впечатлением этой повести. Она проникнута глубоким и чистым чувством. Я благодарю Вас с нежностью не только за то, что Вы дали возможность мне ее прочитать, но и за то, что Вы написали ее (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3 Ед. хр. 577).

Высоко оценив повесть («В сухой жестокости современного искусства, эта маленькая книжка — источник тихой веры и целомудренной нежности» (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3 Ед. хр. 577)), Роллан сближает главного героя повести с самим писателем: «Вы несете в себе душу Вашего Ильи, пусть она тоже несет Вас и утешает несмотря на все испытания — ведь и Илья испытал немало!» (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3 Ед. хр. 577). Однако при этом Роллан дает совет переделать повесть, ограничив ее сюжетом о крепостном иконописце. Перенесение этой истории в современность, как это сделал Шмелев, по мнению Роллана, нарушает единство повествования. Вступление, где рассказывается о запущенном имении Ляпуновке и сохранившейся в монастыре тетради крепостного Ильи («Сам читал, что записано было самим Ильею Шароновым тонким красивым почерком в “итальянскую тетрадь бумаги”» [15]) и концовка повести (рассказ о чудесах, совершаемых в современности иконой «Неупиваемая чаша», написанной Ильей) представляются ему лишними элементами. По этому поводу Роллан пишет:

Позвольте мне поделиться с Вами по-братски впечатлением профессионала? — Мне кажется, что Ваш прекрасный рассказ еще больше выиграл бы, если бы Вы отказались от интродукции и концовки (или вернее, от приложения), которые являются паразитами. Окружение зевак, которые присутствуют сегодня — и профанов — в этих религиозных воспоминаниях; — даже чудесах, забивают пылью, нарушают сосредоточенность повести. Она так совершенна сама по себе, что ее надо оставить одну (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3 Ед. хр. 577).

Мнение Роллана, очевидно, было воспринято Шмелевым в контексте европейской рецепции его произведения. В уже цитированном письме Шмелева Р.Г. Земмеринг он отметил:

Писалось о «Чаше» много, но я не собирал. Она вышла без меня в Европе в 1920–21 гг. (первое издание), тогда и писали. Потом много писали об издании на иностранных языках (она переведена на 10 языков, а может, и больше). Конечно, европейцы всего не могут понять. Для сего надо быть не только с Богом в сердце, но и (если Бога нет в душе) большим художником-критиком. Ведь европейцы — в большинстве очень мелки, маленькие они (хотя бы и были художниками) [10, с. 148].

Как мы видим, несмотря на сочувствие Роллана Шмелеву и высокую оценку творчества писателя, переписка не стала регулярной, а затем и вовсе прекратилась, так как в августе 1927 г. разразился скандал, выявивший глубокие противоречия в отношении Роллана к эмиграции и окончательно прояснивший его позицию по отношению к СССР.

С августа 1927 г. во французской прессе развернулась кампания против политики СССР по уничтожению русской культуры и литературы. Кампания была вызвана публикацией в газете "L'Avenir" анонимного воззвания «Писателям мира», подписанное «Группа русских писателей. Россия, май 1927», перепечатанное затем в самых влиятельных газетах русской эмиграции «Последние новости» и «Возрождение». В воззвании советская власть обвинялась в гибели лучших русских поэтов и писателей (Блока, Гумилева, Есенина, Сологуба и др.) и жестких репрессивных мерах по отношению к печатному слову: отсутствии у писателей возможности издавать свои произведения, цензуре, изъятии книг из библиотек и т. п. 29 августа 1927 г. известный писатель и переводчик Илья Гальперин-Каминский, сотрудник "L'Avenir", обратился со страниц своей газеты к французским писателям с просьбой поддержать русских собратьев. В течение последующих месяцев 1927 г. газета публиковала отклики русских писателей-эмигрантов (среди них — И. Бунин, Б. Зайцев, А. Куприн, Д. Мережковский и др.) на воззвание, полученное из Советской России. Бальмонт направил в октябре 1927 г. большое открытое письмо («воплъ-мольбу») Кнуту Гамсуну [5, 6]. Одновременно Шмелев публикует свое воззвание «К писателям мира» в газете «Возрождение» [14]. Однако усилия русских писателей-эмигрантов, пытавшихся привлечь внимание к подавлению духовной свободы в СССР, не вызвали ответной реакции у левой интеллигенции Запада. Так осенью 1927 г., в разгар скандала, Роллан направил в СССР поздравление в связи с 10-летием Октябрьской революции — «Приветствие к величайшей годовщине в истории народов», — которое было опубликовано в газете «Вечерняя Москва» 4 ноября 1927 г.⁵ Этот поступок возмутил Шмелева, как и всех писателей-эмигрантов, не простивших ему этот жест примирения с советской властью и поддержки ненавистной им власти большевиков:

В газете «Авенир» (националиста Эмиля Бюре) только что появилось (12 января) двойное открытое письмо, адресованное мне Константином Бальмонтом и Иваном Буниным. Авторы этого письма резко нападают на меня за «Послание», с которым я обратился к русскому народу по случаю десятой годовщины революции и которое было напечатано в московских газетах в октябре [4, с. 144–147 и прим. с. 405–406].

Ответ Роллана был опубликован в парижском журнале "Europe" 15 февраля 1928 г., а также на русском языке в газете «Сегодня» [12]. Этот же текст Роллана под названием «Ромен Роллан и Советская Россия. Ответ Константину Бальмонту и Ивану Бунину» напечатал мартовский номер «Вестника иностранной литературы» за 1928 г. В том же номере «Вестника» была опубликована статья А.В. Луначарского по поводу «фальшивки», сфабрикованной эмигрантской прессой, о плачевном положении литераторов в СССР. В своем ответе писателям-эмигрантам Роллан сослался на факты успешного развития советской литературы, приводимые Горьким, который подтвердил Роллану официальное мнение советской прессы о том, что воззвание «Писателям мира» — фальшивка.

⁵ Позднее опублик. в: [8, с. 152–153].

В ответ Бальмонт в газете «Последние новости» 17 марта 1928 г. опубликовал открытое письмо «Ромену Роллану». Он обратил «высоко-яростное проклятие европейцам, объединяя их в Ромэне Роллане» [8]:

Я, Шмелев, Мережковский, Бунин, Куприн, Зайцев и еще, и еще другие весьма прославленные русские писатели, как уехали, по-вашему, из России? Не воображаете ли вы, что это из-за маленьких политических и литературных распрей мы покинули Родину, — как вы, — чтоб в прелестном уединении играть роль совести мира? Поверьте, мы не столь бродяги по природе, как это может вам казаться. Мы покинули Россию, чтоб иметь возможность в Европе попытаться хоть что-нибудь крикнуть о Погибающей Матери, крикнуть в глухой слух очерстевших и безучастных, которые заняты лишь собой (За свободу! 1927. № 289. 17 декабря. С. 3. Цит по: [8]).

Добиваясь ответа от прославленного гуманиста, «притязającego на роль дозорного высокой башни, на коей зажжен факел мировой совести» [8], Бальмонт вновь выступил в печати с обращением к Роллану, опубликованном в газете “L’Avenir”. 12 января 1928 г. в том же номере с аналогичным обращением выступил И.А. Бунин. Просоветский ответ Роллана вызвал новый взрыв негодования. В письме к Шмелеву Бальмонт сообщает: «Деревянный Роллан написал глупейший ответ мне и Бунину, а изящные

П<оследние> нов<ости>» поторопились перепечатать это кваканье. Я послал в редакцию «П<оследних> н<овостей>» решительную брань за это. Написал вчера вулканический ответ Роллану и послал Гальперину-Каминскому, а Бюрэ (Эмиль Бюре — редактор парижской газеты “L’Avenir” — примеч. М.А.) как раз просил меня написать ответ. И Бунину сейчас пишу. Капбретон. 1928. 20 февраля. Вечер [8]⁶.

Шмелев разделял позицию Бальмонта, в эмиграции состоял в политических объединениях правого направления, защищая «русскую национальную идею», православную веру. Писатели русской эмиграции не были услышаны во Франции, как справедливо замечает исследователь Рене Герра, так как французская интеллигенция 1920-30-х гг. придерживалась в основном левых взглядов, поддержав в 1934 г. создание Народного фронта. История отношений И.С. Шмелева с Р. Ролланом — яркое свидетельство истории расхождения и размежевания левой французской интеллигенции с русскими писателями-эмигрантами.

Знаменитая статья «Прощание с прошлым», написанная Ролланом в 1931 г., подвела итог пути, который Роллан проделал в предыдущие годы: «Стрелка компаса показывает на север, на ту цель, к которой идут передовые отряды Европы, героические революционеры СССР, — эта цель: социальная и нравственная перестройка человечества» [11, с. 257–259]. Став «другом СССР», Роллан в 1935 г. посетил Советский союз, изложив свои противоречивые впечатления о социальной и нравственной перестройке советского человека в «Московском дневнике», закрытом для читателей на 50 лет и опубликованном лишь в 1989 г. в России и в 1992 г. во Франции.

Список литературы

Исследования

- 1 Ариас-Вихиль М.А. Письма И.С. Шмелева Р. Роллану (по материалам Фонда Р. Роллана Национальной библиотеки Франции) // И.С. Шмелев и писатели русского зарубежья. Симферополь: Антикава, 2018. С. 217–228.

⁶ Открытое письмо Бальмонта «Новое письмо К.Д. Бальмонта Ромену Роллану» было опубликовано 16 марта 1928 г. в газете “L’Avenir” (на русском языке напечатано в: [7]).

- 2 *Сорокина О.* Творческий путь И.С. Шмелева в эмиграции // Русская литература в эмиграции. Russian emigre literature: сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург: Изд-во Отд. славянского языка и литературы Питтсбургского ун-та, 1972. 409 с.
- 3 *Шеваров Д.Г.* «Я всегда жил сердцем...» Письма Раисе и Людмиле Земмеринг // Новый мир. 2004. № 11. С. 144–147.

Источники

- 4 Архив А.М. Горького. М.: Наследие, 1995. Т. 15: М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936) / [редкол.: А.Д. Михайлов (отв. ред.) и др.; подгот. текстов и коммент. А.Д. Михайлова и др.]. 543 с.
- 5 *Бальмонт К.* Открытое письмо Кнуту Гамсуну // Сегодня. 1927. № 257. 13 ноября. С. 4;
- 6 *Бальмонт К.* Открытое письмо Кнуту Гамсуну // За свободу! 1927. № 267. 20 ноября. С. 5
- 7 *Бальмонт К.* Новое письмо К.Д. Бальмонта Ромену Роллану // Сегодня. 1928. № 78. 21 марта. С. 2
- 8 Встреча: Константин Бальмонт и Иван Шмелев: Письма К.Д. Бальмонта И.С. Шмелеву / вступ. ст. и публ. К.М. Азадовского и Г.М. Бонгард-Левина // Наше Наследие. 2002. № 61. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6117> (дата обращения: 06.06.2024).
- 9 *Ильин И.А.* Переписка двух Иванов (1947–1950) / [сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы]. М.: Русская книга, 2000. 525 с.
- 10 Иван Шмелев. «Я всегда жил сердцем...» Письма Раисе и Людмиле Земмеринг / подгот. текста Н.В. Петрашовой, Д.Г. Шеварова, О.Н. Шохинной; вступ. ст. Д.Г. Шеварова // Новый мир. 2004. № 11. С. 144–152.
- 11 *Роллан Р.* Собр. соч.: в 14 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 13. 511 с.
- 12 *Роллан Р.* Ответ Константину Бальмонту и Ивану Бунину // Сегодня. 1928. № 52. 23 февраля. С. 12
- 13 *Шмелев И.С.* Везд в Париж. Рассказы. Воспоминания. Публицистика / сост. и авт. предисл. Е.А. Осьминина. М.: Русская книга, 1998. 507 с.
- 14 *Шмелев И.С.* К писателям мира // Возрождение. 1927. № 779. 21 июля. С. 1. URL: <http://shmelev.lit-info.ru/shmelev/public/k-pisatelyam-mira.htm> (дата обращения: 06.06.2024).
- 15 *Шмелев И.С.* Неупиваемая чаша // Шмелев И.С. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. Повести и рассказы / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. О. Михайлова. 463 с. URL: <http://lib.ru/RUSSLIT/SMELEW/chasha.txt> (дата обращения: 06.06.2024).
- 16 *Шмелев И.С.* Солнце мертвых. М.: Согласие, 2000. 318 с. URL: http://lib.ru/RUSSLIT/SMELEW/shmelev_sun.txt (дата обращения: 06.06.2024).
- 17 *Aschenbrenner M.* Schmeljow I. Leben und Schaffen des grossen Russischen Sdirieftstellers. Königsberg/Pr. und Berlin: Ost-Europa-Verlag, 1937. 284 s.
- 18 *Schmeljow I.* Die Sonne der Toten. Übersetzt von Käthe Rosenberg. Berlin: S. Fischer, 1925. 320 s.
- 19 *Schmeljow I.* Der niegeleerte Kelch. Berlin: S. Fischer, 1926. 233 s.

© 2024. Marina A. Arias-Vikhil
Moscow, Russia

COUNTER VIEW:
CORRESPONDENCE OF R. ROLLAND AND I.S. SHMELEV.
TO THE 150TH ANNIVERSARY OF I.S. SHMELEV

Acknowledgements: The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00393, <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>) at IWL RAS.

Abstract: The paper studies literary contacts of Ivan Shmelev (1873–1950) with the French writer, 1915 Nobel Prize winner Romain Rolland (1866–1944) in the 1920s. The author analyzes unpublished correspondence of the writers, including 3 letters from Shmelev and 2 response letters from Rolland. The content of the correspondence is connected with Shmelev’s desire to find in Rolland, who personified the “conscience of the world” for the writers of the Russian emigration, a like-minded person in understanding the tragedy that befell Russia in the wake of the October Revolution, which led to mass death, devastation and famine. Shmelev sent Rolland the German editions of his books “The Sun of the Dead” and “The Inexhaustible Chalice”. Rolland’s answers contain high praise of Shmelev’s work and sympathy for the emigrant writer who lost his homeland. However, complete understanding was not to be achieved: a representative of the left intelligentsia, Rolland reacted with no lesser sympathy to the experience taking place in the USSR in the “social and moral restructuring of humanity.” From criticism of the results of the October Revolution in 1921–22 Rolland, by the end of the 1920s proceeds to glorifying the social experiment of building a “new society” in the USSR, publishing congratulations to the Soviet people on the 10th anniversary of October in the Soviet press. This step of the writer was met with hostility by Shmelev and put an end to their correspondence. There was a final demarcation between Rolland and the writers of the Russian emigration, with whom he maintained literary contacts. Among them are not only Shmelev, but also I.A. Bunin and K.D. Balmont, who published open letters to a writer who took a pro-Bolshevik position, despite his earlier expressions of sympathy towards Russian emigrant writers.

Keywords: I.S. Shmelev, R. Rolland, “The Man from the Restaurant”, “Sun of the Dead”, “Inexhaustible Chalice”, I.A. Bunin, K.D. Balmont, A.V. Lunacharsky, A.M. Gorky, October Revolution, writers of Russian emigration.

Information about the author: Marina A. Arias-Vikhil — DSc in Philology, Leading researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bldg. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4182-8213>

E-mail: marina.arias@mail.ru

Received: October 24, 2023

Approved after reviewing: November 30, 2023

Date of publication: June 25, 2024

For citation: Arias-Vikhil, M.A. “Counter View: Correspondence of R. Rolland and I.S. Shmelev. To the 150th Anniversary of I.S. Shmelev.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 72, 2024, pp. 221–231. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-221-231>

References

- 1 Arias-Vikhil, M.A. “Pis'ma I.S. Shmeleva R. Rollanu (po materialam Fonda R. Rollana Nacional'noj biblioteki Francii)” [“Letters from I.S. Shmelev to R. Rolland (Based on Materials from the R. Rolland Foundation of the National Library of France)”]. *I.S. Shmelev i pisateli russkogo zarubezh'ya* [*I.S. Shmelev and Writers of Russian Emigration*]. Simferopol', Antikva Publ., 2018, pp. 217–228. (In Russ.)
- 2 Sorokina, O. “Tvorcheskij put' I.S. Shmeleva v e'migracii” [“Creative Path of I.S. Shmelev in Exile”]. *Russkaya literatura v e'migracii: sbornik statei* [*Russian Literature in Emigration: Collected works*], ed. N.P. Poltoraczki. Pittsburg, Otdel slavianskogo iazyka i literatury Pittsburgskogo universiteta Publ., 1972, pp. 215–231. (In Russ.)
- 3 Shevarov, D.G. ““Ya vseгда zhil serdcem...” Pis'ma Raise i Lyudmile Zemmering” [“‘I have Always Lived Through my Heart...’ Letters to Raissa and Lyudmila Semmering”]. *Novyi mir*, no. 11, 2004, pp. 144–147. (In Russ.)